

Трамвай 86. Мельбурн

Я верю в присутствие медной трамвайной души...
скользящей смычком по натянутым струнам обочин,
эклогой звуча между скверами в ряжестве сочном,
вливаясь в протёртость окраин и леность глуши.

А летний февраль, как насмешка, на кряжах кружит,
доносится тихая речь тарабарщиной где-то,
циклон переполнил терпенье столичной газеты,
бодрившей, что ветошь не стоит понятия жизнь.

Понятия “жить”, пусть в разнос иногда рубежи
в трехбуквенном – век, что пристроено в каждое чело
бесценным подарком в границах земного удела,
где вечным трамваем развозятся лет тиражи.

К чему философии камни слагать... не спеши...
гипнозом плывет в синеве парусиновый росчерк
до станций конечных... до станций... мой разум бормочет,
мы мазаны миром одним – подорожный пошиб.

Холодное – Престон. Обрато в безрельсовость – шит
уже тротуарами путь, а когда – бездорожьем, –
не те времена, чтобы сердце стучало порожним

неверием, что –

там смычком... у обочин... в глуши...

Напиши

Напиши, выбираясь из прошлого, словно,

в отголосках прозрения не отыскать,

эквилибром расплат за материю слова –

серость новых холстов

да нетканая гладь.

Манифестом души:

– К чёрту всю тривиальность! –

Напиши меня хаосом, без аксиом,

приручающих даль,

что в душе застоялась

по болотному топко

пусть робким дождём...

напиши,

чтоб пилося жадным взглядом, что ново, –

в тех обновлениях ходить –

краше не отыскать –

опадать по ненастному первому зову,

пробиваться сквозь трещины веток опять.

Не теряй

в основательном взгляде педанта

неподкупность бегущих по следу секунд,

Напиши.. за погасшей закатной оградой

зарождаюсь в глазастых цветах... там и тут...

До лучших времён

Зачем говорить, где молчанье вместит всё...

ни звука не прячет в сплетённых ветвях сад.

Зачем, ты смотри...

ты о прошлом смотри сон –

шли дни, шли года, убегали часы назад.

И чистым листом, как лицом от надежд свеж

там чувствует город немую твою жизнь –

дожди не стучатся, ветров нет ветвей меж,

трамвай по кольцу в небренчанье давно кружит,

ни скрипа калиток и птичий исчез хор,
смирненно в церквах колокольни хранят звон.
Так горько терять – век нещадно порой скор,
здесь прошлое – сон, бесконечно тревожный сон.

Где прячут потери судьбы ледяной вздох,
сквозь толщу времён дано замерзнуть словам.
Зачем говорить, где молчанье вместит всё...
Неслышно, неясно, смотри,
как спасенье,
там –

Рождается день, где тяжелых дубов строй
и небо в окно стремится скользнуть с вершин.
Ты только живи, пока диалог с собой...
до лучших времён, до забытых глубин души.

Перейти эту осень вброд

За порогом порядка нет,
чехардой разгулялась явь,
плут платан обнажил хребет –
сторговал за бесценюк ржавь,

от убытка нет панацей,
проповедуешь голым коль...
монотонно бряцает цепь –
псовы будни забора вдоль.

И не то чтоб какой-то мот
зацыганил крон пестротой -
просто сверху забавней смотр,
когда кружится фон земной.

Верховодит дождь лиходей –
всё до донца промокло,
вновь
посмотри, занедужил день,
сдвинув занавес до краёв.

Перейди эту осень вброд,
унеси чудеса в горсти,
кропотливо из непогод
утешенье учись плести.

Нуар нарсис

В полнолунную ночь можно чётче увидеть, Мессир, –
наступает пора мадригалов,
где-нибудь в чашах
приземлённое небо лакает речной эликсир...
по-кошачьи крадусь,
сияю зеркально-прозрачным
бриллиантом, антиком,
стеклярусной пылью в глазах,
говорящую книгой, фарфоровой статуэткой –

вариантов мильон, чтобы выявить наверняка
самый нужный из всех для тебя – эксклюзивный и редкий.

Ради счастья гораздо выделявать всякие па, –
собирая пионов глупые головы в опус..
варьете, контрамарки, обманутых граждан толпа,
массолит,
сеансы поэзии..
фокус и покус –
растяну из себя парусиновый мир шапито,
злобно шикает клоун – “Отведай фантомной боли,
когда будешь играть обнажённую даму Бордо
в закулисных партиях средневековой роли
для него, продающего чувства за ломаный грош
в непрерывный кошмар сновидений богемца Кафки, –
запусти в сердцевину пальцы.. в потёмках найдёшь
не любовь, а поштучный товар бакалейной лавки”.

В полнолунную ночь можно чётче увидеть, Мессир,-
за окошком замочных скважин задверное царство..
я пропахла тобой, как вульгарный нуар нарсис –
корсиканский букет, как отъявленное шарлатанство.

Теперь мой телеграф не разведать в секретных частях –
неразгаданным шифром души в тебе растворяюсь...
...я могу поселиться в гостинных кривых зеркалах,
надевая стальное колечко на безымянный палец.

Горошина

Все доводы исчезнут октября –
здесь
слишком громко происходят встречи,
и вывески удерживают в ряд
кварталов худосочные предплечья...
от сырости разбухшая тоска
нашептывает смуро рецептуру –
как принимать бессонниц по глоткам
невестьоткудавзятую микстуру...
и в бархатной манере ночника
отсвечивать стареющим провансом
на миг покажется – футляр окна
умело сжал громоздкое пространство...
неволью заразишься красотой,
пробравшись внутрь отсуженной планиды,
где сыплет вздох шершавой шелухой
отцветших и пожухлых мыслей..
с виду
всё медленно внушает –
‘как во сне’
сверчит мой гость, зашедшийся в руладе,
кто б чиркнул спичкой...
где-то в глубине
отыщется горошина в кровати.